

ОЛЬГА БЕССМЕРТНАЯ

Мусульманская субъективность? *Personae, self* и «запросы жизни» в свидетельствах о себе мусульманина-самозванца (Магомет-Бек Хаджетлаше, 1870 (?) — 1929)

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-129-161>

Olga Iu. Bessmertnaya

Muslim Subjectivity? *Personae, Self* and the “Demands of Life” in the Self-Testimonies of a Muslim Impostor (Magomet-Bek Hadjetlaché, 1870 (?) – 1929)

Olga Iu. Bessmertnaya — HSE University (Moscow, Russia).
obessmertnaya@hse.edu

In the context of growing studies on the history of “Muslim subjectivities” taken “from below”, i.e. the individual, the author suggests transcending the presumptions of the absolute performativity of subjectivity and going beyond the individual’s “personae”, so as to reveal “techniques of the self” behind them. To do that, the author explores the correlation between self and the deliberately invented “personae” of the impostor and double-dealer M.-B. Hadjetlaché, a baptized Jew who claimed being Muslim, and was, inter alia, a journalist working both for the opposition-minded Muslims and the

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор признателен А. С. Агаджаняну за глубокие комментарии к предыдущему варианту этой работы.

Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged. The author’s special gratitude goes to A. S. Agadjanian for valuable remarks.

Interior Ministry and anti-Islamic circles. This extreme case of the invention of Muslim identity is taken as a prism which can “reveal patterns available for more everyday experience” (N-Z. Davis). The ways by which the protagonist constructs — in search of his subjectivity — his multiple “personae” are analyzed to disclose the distance between them and his self, and its structure. Given the strength of Hadjetlaché’s Muslim identity coexisting with the memory of his rejected Jewry in his self-perception, and the fact that those around him (including a number of Muslims) considered him Muslim, the author puts the question of “Muslimness” of his subjectivity in the context of historiographic discussions on defining the boundaries of the Islamic identity.

Keywords: Muslim subjectivity, Magomet-Bek Hadjetlaché, the individual, persona, self.

Введение: «Большие» вопросы

ВСЕ более развивающиеся в последние годы исследования по истории *мусульманских субъективностей* заострили ряд «больших» вопросов, давно стоявших перед исследователями *человека в обществе*, в частности, человека — мусульманина¹. Здесь я выделяю два из них². Во-первых, как мы понимаем саму изучаемую нами *субъективность* — видим ли ее как целиком сформированную дискурсами и прочими властными институтами и практиками, сложившимися в окружающем человека мире, или же оставляем ему в этом мире «уголок автономности», пространство выбора, право на *агентность*, относясь к нему как к *актору* — действующему лицу истории? Во-вторых, можем ли мы *проникнуть* к этой субъективности, если ищем некое *внутреннее* «я» человека, или вынуждены сводить ее к перформативным практикам, с помощью которых человек «пред-

1. Во избежание реориентализации наших презумпций я настаиваю на множественном числе в обозначении предмета этих исследований. Ср.: Bustanov, A. (2022) “Introduction”, in Bustanov, A., Usmanov, V. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri*, pp. 1–83. Brill; Jung, D. (2017) “The Formation of Modern Muslim Subjectivities: Research Project and Analytical Strategy”, *Tidsskrift for Islamforskning* 11(1): 11–29.
2. Подробнее: Бессмертная О.Ю. Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2023. Т. 22. № 2. С. 174–187.

ставляет себя другим»³, к его обликам, *персонам*, к его публичной идентичности? При этом, говоря о внутреннем «я» индивида, я не хотела бы возвращаться к романтическим представлениям о целостной внеисторичной «индивидуальности» («личности»), а говоря о предъявляемых им вовне своих *персонах* — видеть в них лишь цинично надетые театральные маски. Подобные представления в гуманитарных и социальных науках стали разрушаться еще в середине XX в. под влиянием таких разных ученых, как М. Фуко или И. Гофман. Но значит ли это, что человек тождествен своим *персонам*⁴ или что мы в любом случае не в состоянии узнать о нем большего? Не стоит ли попытаться вдуматься в то, как в конкретных исторических случаях взаимодействуют эти две стороны субъективности, публичные *персоны* человека и его внутреннее «я», «самость» (*self*)?⁵

Именно такой ракурс подчеркнут в исследованиях *персон* (*persona studies*), особенно в том направлении этих исследований, которое активизировалось в последнее время в истории науки (включая историю ориентализма-востоковедения)⁶. Здесь видят в *персонах* некое пересечение, «промежуточный уровень» (*middle course*) между индивидуальным — частным, интимным, с одной стороны, и социальным — с другой. Речь идет о том, как человек выбирает и выстраивает тот или иной свой социальный облик сообразно общественно признанным «шаблонам» идентичности (профессиональной, политической, конфессиональной, игровой и т.п.): такая *персона* делает его *узнаваемым* в обществе и потому обеспечивает его социальное присутствие, но вме-

3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва: Кучково поле, 2000.
4. Так это предложено рассматривать в: Bustanov, A. "Introduction".
5. Такой подход «снизу», отправляющийся от конкретного индивидуального опыта, отличает это русло исследований от широких антропологических обобщений «сверху», ищущих новые «большие нарративы». Ср. особенно: Asad, T. (2003) *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*, pp. 67–99. Stanford: Stanford University Press.
6. Daston, L., Sibum, H. O. (2003) "Introduction: Scientific Personae and Their Histories", *Science in Context* 16(1–2): 1–8; Engberts, Ch. and Paul, H. (eds) (2019) *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*. Brill, 2019. Другое направление *persona studies*, существенно заострившее проблему множественности и взаимоналожения *персон* в репрезентациях себя индивидом, фокусируется на современных особенностях поведения человека в сети, онлайн; его представляет журнал, основанный Д. Маршаллом и К. Барбур в 2015 г., *Persona Studies* (<https://ojs.deakin.edu.au/index.php/ps>). См. также: Marshall, D. P., Moore, Ch., Barbour, K. (2019) *Persona Studies: An Introduction*. Wiley-Blackwell.

сте с тем никогда не воспроизводит «шаблон» буквально, сохраняя индивидуальную специфику. Причем рассмотрение того, как человек конструирует свои публичные облики-*персоны*, позволяет не только связать в одном кадре индивидуальное и социальное, но и обратиться к той самой «работе» человека с собой, «техникам себя», которые, как можно думать после исследований М. Фуко, более всего и описывают изменчивую субъективность человека в истории, собственно внутреннее «я» — в его связи с обществом и властью. Такой ракурс позволил бы учесть в изучении истории субъективностей мусульман и лучшие аспекты исследований наших предшественников по истории советской субъективности: их интерес к «техникам себя» в источниках личного происхождения⁷.

Эти «большие» вопросы заставили меня вернуться к «маленькому» случаю Магомет-Бека Хаджетлаше, несмотря на то, что мне уже приходилось о нем в разных ракурсах писать⁸. Ведь самозванцы и трикстеры особенно выпукло демонстрируют, как устроена «работа» по созданию человеком своих *персон*.

Персонаж и исследовательские возможности

Магомет-Бек Исламович Хаджетлаше-Скагуаше (между 1868–1872, Тифлис (?) — 1929, Стокгольм) родился евреем под именем Герш-Бер Этингер, крестился в православие в Одессе в 1886 г., а к 1889 г. объявил себя черкесом и, спустя короткое время, мусульманином. На публичной сцене он появился в середине 1890-х гг. как писатель Юрий Кази-Бек Ахметуков, автор характерных для массовой литературы того времени ориенталистских рассказов о странах Востока и Африки и, в особенности, Кавказа. Исчезнув с этой сцены в конце 1898–1901 гг., он затем возник под новыми именами, однако теперь всегда включавшими имя Магомет: накануне и в контексте революции 1905–1907 гг. он выступал, в частности, как Магомет Айшин — радикальный «революционер» социалистического толка и скандальный шантажист, вымогавший

7. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2021; ср.: Бойм С. Как сделана советская субъективность? // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285–296.

8. Фактологические аспекты см. особенно в: Бессмертная О. Ю. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане // *Ya evam veda...* — Кто так знает... Памяти В. Н. Романова [Сб. ст.] / Под ред. И. С. Смирнова; сост. Н. Ю. Чалисова и др. М.: РГГУ, 2016. С. 135–190.

у богатых евреев в украинских местечках деньги на «революционные нужды»; а с 1908 г. он стал известен как мусульманский журналист, Магомет-Бек Хаджетлаше, издатель журнала «Мусульманин», выходившего на русском языке в Париже для мусульман России в 1908 и 1910–1911 гг., и газеты «В мире мусульманства», также адресованной мусульманам и выходившей в Санкт-Петербурге (апрель 1911 — май 1912). В конце 1911 г. он был разоблачен российскими мусульманами оппозиционного крыла как двурушник, «работавший» одновременно для мусульман и на правительство и печатавший антиисламские статьи в консервативной русской прессе; однако он продолжал называть себя мусульманским журналистом и писателем до конца жизни, а также выполнять задания департаментов МВД на ниве «мусульманства» вплоть до 1916 г. Он умер в стокгольмской тюрьме, приговоренный в 1919 г. к смертной казни, замененной на пожизненное заключение, за три жестоких убийства с целью обогащения, совершенных им во главе т.н. Русской лиги в Стокгольме, где он оказался после революции 1917 г., пытаясь вернуться из России к семье во Францию (они эмигрировали в 1907), но так туда и не добравшись. Хаджетлаше оправдывал эти убийства борьбой с большевистскими агентами, коими, по его утверждениям, были жертвы; существовали, правда, подозрения, что он «работал» на самих российских большевиков.

Я хотела бы вернуться к этому случаю специально для того, чтобы сквозь его призму задуматься о возможном соотношении *персон* и «самости» индивида и о месте в этом комплексе социального и культурного контекста. Ведь история Хаджетлаше — это *предельный* случай *изобретения* мусульманской идентичности, причем идентичности, в которую поверила большая часть окружающих его людей (включая мусульман), находившихся по разные стороны конфессиональных и культурных границ, а в большой мере, вероятно, и он сам. «Крайние», «предельные» случаи «зачастую могут вскрыть модели («паттерны»), действующие в более обыденных практиках»⁹. Так и в случае Хаджетлаше могут особенно выпукло проявиться механизмы выбора и выработки своих *персон* субъектом, а тем самым «работа» и трансформации его внутреннего «я» — «техники себя». Один из аспектов «предельности» случая Хаджетлаше заключен, помимо выпукло-

9. Davis, N.Z. (2006) *Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds*, p. 11. New York: Hill and Wang. Перевод мой.

го изобретения идентичности как такового, в том, что его множественные *персоны* отнюдь не всегда рассматривались тогдашним обществом как совместимые друг с другом — сама идея двурушничества и «провокации», в коих обвиняли нашего персонажа, это предполагает. А это еще более «выпячивает» интересующие нас «техники» его «работы» с собой.

Подчеркну: обращаясь к этому случаю как предельному, крайнему, я уже поэтому отнюдь не рассматриваю его как нечто типичное, якобы утверждая, что так происходит «у всех». Но это и не просто «исторический анекдот», рассказ о забавной или трагической, но ничего кроме самой себя не описывающей истории. Это выпуклая призма, сквозь которую в заостренном, *крайнем* виде обнаруживаются *механизмы*, которые в разных степенях и вариациях могут действовать и в других, вовсе непохожих и вполне «нормальных» случаях и быть важны в исследованиях субъективности, и субъективности мусульман в частности.

Здесь встает еще один «большой» вопрос: какое отношение Хаджетлаше имеет к мусульманам и их субъективности? Он же самозванец! Вопрос этот «большой» потому, что упирается в проблему определения исламского вообще. Ряд исследователей предпочитают считать, что «ислам — это все то, что таковым считают мусульмане». Такая позиция ведет к утверждению множественности *исламов* (включая и индивидуальные понимания ислама) и эпистемологически имеет ряд преимуществ уже постольку, поскольку избегает навязывать мусульманам какую-либо *норму* сверху, тем самым избегая эссенциализации и ориентализации интерпретаций. Однако она вызывает и немало вопросов: до каких пределов этой свободы определения допустимо дойти, чтобы не утратить представление об исламском вообще?¹⁰ Этот «большой» вопрос лежит за рамками моего рассмотрения; применительно к Хаджетлаше я вернусь к «за» и «против» его «мусульманскости» уже на основе анализа аспектов его субъективности.

Чтобы обнаружить, как Хаджетлаше создавал свои *персоны* и что оставалось *за кадром*, я обращаюсь к его автобиографическим рассказам и, шире, свидетельствам о себе, имея в виду, что они были, по большей части, вымышленными¹¹. Придется специ-

10. О сторонниках и противниках (включая Т. Асада) «свободной» трактовки исламского см.: Thum, R. (2019) "What Is Islamic History?" *History and Theory* 57: 7–19.

11. В дискуссиях об автобиографии как литературном жанре показано, что ее особенность — не в том, что автор рассказывает «правду» о себе, а в том, что она строится на негласном *обещании* так рассказывать (т.н. автобиографический пакт).

ально всмотреться в то, как соотносятся рассказ, предъявляемый публике, и моменты, где автор *проговаривается* о себе. Именно так я постараюсь проникнуть сквозь публичную *персону* автора к его внутреннему «я». Осмысление содержания таких рассказов потребует учесть, к кому и в какой ситуации они были обращены, каков был их адресат и его запросы — «запросы жизни», как тогда говорили. При этом я буду различать, условно, «общеперское» пространство и «собственно мусульманские» круги. Вниманию к «запросам жизни» позволит взглянуть в особенности воздействия на индивида — Хаджетлаше — социальных практик. Помимо прочего, мы увидим, сколь значимы были среди них практики массовой культуры: Хаджетлаше в его представлениях о том, что нужно *сделать с собой*, чтобы *быть и казаться* мусульманином, был ведом, во многом, литературным воображением, почерпнутым из этой сферы, — таким, которое создавало писателей типа капитана Лебядкина¹².

Я называю нашего героя именем, под которым он умер, — Магомет-бек Хаджетлаше (за исключением случаев, когда важны другие его имена), а не Герш-бер или Григорий Этингер, исходя из того, кем он стал, а не кем родился. Я начну с техник конструирования героем своих *персон* и лишь затем обращусь к его «самости».

Стержневой сюжет автобиографии

Автор произведений, подписанных псевдонимом «Юрий Казибек», — черкес Ахмет-Бей-Булат — потомок известного кавказского героя Ахмет-Бей-Булата, воспетого еще Лермонтовым¹³, и сын когда-то враждебного России князя Ахмет-Ахмет-Бея, владыки воинственных шапсугов и других горских племен. Отец молодого гор-

Сюда относятся и случаи, когда за действительность выдан вымысел (*Лежен Ф.* От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 3). В этом отношении Хаджетлаше не исключение, но и использование вымысла он доводит до логического конца, до крайней выпуклости.

12. Капитан Лебядкин — персонаж романа Достоевского «Бесы». О писателях этого типа в жизни см.: *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
13. Речь идет о поэме Лермонтова «Хаджи-Абрек» (1835). Прототипом ее героя был реальный исторический персонаж, Бей-Булат Таймазов, широко известный на Кавказе.

ца Ахмет-Бей-Булат[а], пишущего под псевдонимом «Юрий Казибек», абазехский князь Ахмет-Ахмет-Бей в 1863 году переселился из Кубанской области в Турцию с тридцатью тысячами своего народа, абазехами, шапсугами, убыхами и вообще с теми, кто пожелал следовать за ним. В то время у князя был только один сын, Осман-Бей. Ахмет-Бей-Булат и сестра его родились уже в Турции в Буюк-дере¹⁴, где поселились эмигранты. У князя было до сорока жен, из которых мать нашего автора, урожденная княжна Фатима Али-Бек, была первая. Князь был начальником таборов баши-бузуков, составленных большей частью из черкесов, и принимал деятельное участие в последней русско-турецкой войне, во время которой и погиб под Ловчей¹⁵...

Так начиналась первая и, вероятно, единственная опубликованная биография будущего Хаджетлаше, сопровождавшая его рассказ «Плен Шамиля» в популярном еженедельном журнале «Живописное обозрение»¹⁶. Представленная именно как *биография* — т.е. чей-то «объективный» рассказ о жизни этого автора, — она была получена тогдашним редактором-издателем «Живописного обозрения» С. Е. Добродеевым из рук самого «Бей Булата», «очень интересовавшегося» («как всякий автор») ее публикацией; причем Добродеев, по его словам, вполне верил, что «Бей Булат» представил ему «действительную свою биографию»¹⁷. Не стану обсуждать здесь представления тогдашних издателей и читателей *тонких* журналов, каким было «Живописное обозрение» (т.е. журналов, адресованных массовому читателю)¹⁸, о границах между реальностью и художественным вымыслом, позволившие Добродееву верить в достоверность этого рассказа. Это был, несомненно, рассказ нашего героя *о себе*, его *автобиография*. В нем уже содержался важнейший компонент

14. Городок на берегу Босфора, нередко описывавшийся в рассказах путешественников; там располагались летние резиденции ряда дипломатических представительств, в т.ч. российского. Другую его часть населяли греки, армяне и др.

15. Ловеч, Ловча — город и крепость в Болгарии, где в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русская армия после тяжелых боев в июле-августе 1877 г. одержала победу, подготовившую в дальнейшем взятие Плевны.

16. Живописное обозрение. 1894. № 34. С. 134.

17. Эти сведения Добродеев сообщил в 1899 г. на допросе по делу Г. Этингера. ЦГИА (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 7–9.

18. *Рейтблат* А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии литературы. М.: НЛО, 2009.

конструирования им своих *персон*. Рассказ был явным образом идеологически нагружен, хотя и пронизан художественным вымыслом и написан совершенно в том же стиле, что литературные — восточные и кавказские — рассказы Кази-Бека¹⁹. Характер этой «нагрузки» станет фокусом дальнейших трансформаций в свидетельствах Хаджетлаше о себе, в зависимости от нужд той или иной конкретной, по сути, политической ситуации, в которой он себя обнаруживал, — и нужд конструирования каждой из его *персон*.

Ориенталистский характер этого рассказа, воспроизводящего ключевые стереотипы массовой литературы 1890-х гг. о Кавказе и кавказцах, очевиден уже по его приведенным первым строкам. Сквозь эту по-ориенталистски кавказскую призму герой и представляет себя публике, эта призма и делает его *узнаваемым*. Важнейший элемент его образа — связь с великими героями Кавказа и его славным, свободным и «диким», но миновавшим прошлым — т.е. с Кавказом, романтизированным и, одновременно, «одомашненным» после конца кавказской войны²⁰. Этому вторит борьба с Россией отца героя — еще более подчеркнутая в продолжении рассказа тем, что он вел ее совместно с «сыном некогда знаменитого Шамиля, “владыки гор”, Магомой»²¹. И в том же ключе — *мухаджирство* отца и рождение героя в Турции (не случайно указан 1863 год, относящийся к периоду массовых волн эмиграции горцев Северного Кавказа в Османскую империю). Богатство и авторитетность отца подчеркивают принадлежность семьи к высокой аристократии.

Другой важный элемент — страстность и пылкость описанных натур (ведь это все «кавказцы», «южане») и «предельность» всех их проявлений, от внешности («редкая красота») до поступков:

Когда семью постигло несчастье и князь был убит на войне, мать Ахмет-Бей в припадке отчаяния зарезалась, зарезав и дочь. Ей тогда

19. Современные исследователи тоже восприняли этот рассказ как реальную биографию, рационализировав его наиболее литературные черты. *Хашхожева Р.Х.* Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество // Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения / Вст. ст. и подготовка текстов к изданию Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 5–78.

20. Layton, S. (1994) *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, pp. 252–261. Cambridge: Cambridge University Press.

21. Магома — старший сын имама Шамиля, Гази-Мухаммад, командовавший на стороне Турции подразделениями горцев-мухаджиров в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

было около тридцати лет, дочери — только двенадцать. И Ахмет-Бей-Булата постигла бы такая же участь, если бы он, к своему счастью, не находился в это время у знаменитого муллы Хаджи-Омара, брат которого, не менее знаменитый Кизильбич, наводил ужас на Кубань своими набегами²².

Эти качества наследует и наш герой, превращая их — в представлениях себя, например в письмах своим корреспондентам, — в предельную принципиальность, честность и бескорыстность, тем самым высвечивая позитивные стороны в этом амбивалентном комплексе романтически-ориенталистских характеристик. Учитель героя, «жестокий мулла» Хаджи-Омар воплощает собственно мусульманское начало в этом рассказе: фанатизм, беспощадность и проникаемость (он «читал в сердце мальчика, как в Коране»). Одновременно присутствие муллы обеспечивает аутентичность литературных рассказов Кази-Бека: именно от него он их узнал и нынче точно воспроизводит.

И здесь же пролегал конфликт, наделяющий нашего автора не только романтическим обликом жертвы обстоятельств, но и особой миссией, силой и независимостью. Он сообщает, что, когда позже родственники забрали его на родину — Кавказ, он узнал правду о России и, вопреки наставлениям его учителя-муллы и взглядам его брата Османа, вернулся в русское подданство. Так что мотивы героизма и силы характеров старшего поколения сочетаются в этом рассказе с мотивом их *трагической вины*, заключенной в эмиграции и враждебности к русским. Эту «вину» теперь и призван искупить их выдающийся потомок. Он талантлив и лоялен России, более того, он — преданный «слуга отечества»: подобным образом он станет подписываться позже в письмах в Департамент полиции («всегда готовый служить русскому делу и своему отечеству»)²³. Пока же он сообщает публике, что «первым поощрителем его таланта (и лояльности — О.Б.) явился московский цензор С.И. С... и его семейство» (это Сер-

22. Кизильбеч, он же Казбич (Шеретлуков): помимо «Героя нашего времени» (Лермонтов определенно повлиял на Кази-Бека, как и на многих авторов массовой литературы), см.: *Потто В.* Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. СПб., 1887. Разд. XXXV. После Калаусской битвы (шапсут Казбич). Цит. по: <https://www.runivers.ru/bookreader/book58705/#page/621/mode/1up>. Последнее обращение 04.03.2023.

23. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. ДП. ОО. 1913. Оп. 14. Д. 194. Л. 6.

гей Иванович Соколов, некогда — личный секретарь консервативного редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова, высмеянный либеральными авторами за невежество и цензорскую «крепкоголовость»²⁴).

И, наконец, еще одна черта — «знание жизни» не понаслышке, полученное не благодаря кабинетной учености, а через собственный опыт испытаний уже с юных лет: сообщается, что герой много путешествовал, объехав «весь мир», а учился «везде и всюду понемножку (так. — О.Б.): и в Египте, в английской школе, и в Болгарии (в Македонии) в гимназии, и в Турции, и на Кавказе».

Как ни удивительно, так сконструированный амбивалентный автобиографический стержень, ядром которого служит мухаджирское детство героя, проведенное в Турции, и связь с великим прошлым Кавказа, «работал» на всех этапах перевоплощений Хаджетлаше, обеспечивая необходимые в российском имперском пространстве — необходимые именно в силу их крайней стереотипности — этнические, конфессиональные мусульманские и личностные черты его разных персон, остававшиеся в них, тем самым, постоянными.

Вариации стержневого сюжета автобиографии. 1. Для правительства

Разумеется, в зависимости от обстоятельств менялись и дополнялись детали и стилистика рассказа, как и имена. Так, в ситуациях, когда герой — теперь уже под именем Магомет-Бека Хаджетлаше — выступал в качестве мусульманского журналиста и «слуги отечества» в общении с чиновниками департаментов МВД (Департамента духовных дел иностранных исповеданий [ДДДИИ], от которого Хаджетлаше в 1909 г. добился субсидии на издание журнала «Мусульманин», и Департамента полиции), чиновникам было известно, что «Хаджетлаше принадлежит к роду черкесов Хаджетлаше, владевшему в прошлом столетии крупной недвижимою собственностью в Баталпашинском отделе, Кубанской области, недалеко от Майкопа; получил среднее образование в Екатеринодарской гимназии; отец

24. Гиляровский В. Москва газетная. Редакторы [http://az.lib.ru/g/giljarowskij_w_a/text_0060.shtml]; Чужой (Н. Эфрос). Вместо некролога (Воспоминания) // Речь. (СПб.). 1912. 10.05. № 126; Белоусов И. Мое первое знакомство с цензором // Путь. (М.). 1913. № 4. С. 36–37.

его, ныне покойный, бежал в Турцию пред последнею турецкою компаниею и принял турецкое подданство, в каковом состоял одно время и Магомет-Бек-Хаджетлаше, принятый затем в наше подданство»²⁵. Нам неизвестно, что здесь «отредактировано» самим нашим автором, а что рационализировано уже в тенетах внутренней переписки МВД. Однако важно, что теперь он — исконный подданный России, лишь на время оказавшийся «турецким подданным» (а не родившийся в Турции). И образование его — имперская гимназия вместо «езде и всюду понемножку» — стало более легитимным для чиновничьих глаз (такое изменение могло быть результатом осознания автором предыдущей ошибки, допущенной в пылу романтики: когда он в 1898 г., еще под именем Кази-Бека, подал ходатайство о разрешении издавать в Санкт-Петербурге журнал «Кавказ и народы Востока», ему отказали, в частности, на основании его недостаточного образовательного ценза и жизни за границей, в Константинополе)²⁶. Так что теперь, при построении облика уже не молодого черкесского писателя, а выдающегося мусульманского журналиста, его связь с Россией, и именно с Кубанью, представляла существенно более плотной.

Однако трагический мотив мухаджирства отца героя сохранился и здесь (хотя участие отца в войне на стороне Турции уже не подчеркивалось: для правительственных чиновников, да еще и после всех событий начала XX века, в частности и младотурецкой революции, оно могло стать чрезмерным, грозя недоверием к сыну такого врага). Теперь мухаджирство поколения отцов — как отрицаемый опыт и искупаемая сыном вина — служило важным символическим обоснованием упорного противостояния мусульманского журналиста Хаджетлаше переселению горцев в Турцию, да и крайнего неприятия им всего турецкого. Собственно, и облик журнала «Мусульманин» уже с его первых номеров 1908 г. в большой степени определялся неприятием этой эмиграции, статьями о бедственном положении черкесов в Турции (что позволяло некоторым читателям связывать журнал с влиянием Исмаила Гаспринского, также выступавшего против эмиграции)²⁷.

25. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 449. Л. 28.

26. РГИА. Ф. 776. О. 8. Д. 1146. Л. 7.

27. Негативное отношение к идее эмиграции распространилось в общественном мнении на Кавказе уже раньше. См. Мамедов Р. Муса Кундухов как фигура памяти. Мозаика идентичностей // Islamology. 2020. Т. 10. № 1. С. 71–72. Хаджетлаше

Можно предположить, что по контрасту с Османской империей Хаджетлаше формулировал и идеи о лояльности и преимуществах жизни мусульман в «могущественной России», которые он высказал еще под именем Кази-Бека в ходатайстве о журнале «Кавказ и народы Востока», а затем всячески акцентировал в общении с представителями имперского истеблишмента.

Вариации стержневого сюжета автобиографии. 2. В Швеции

Следующий известный нам рассказ героя о себе с тем же автобиографическим стержнем производится спустя еще примерно 10 лет. Хаджетлаше рассказывал о своем детстве следователям в ходе «шведского дела» (следователи хотели выяснить, каким он был в детстве, в частности, чтобы объяснить исключительную жестокость совершенных им убийств; это было связано как с тогдашними концепциями преступности, так и с характерными представлениями об «азиатах» в шведском обществе, сравнимыми с российскими²⁸). А после того, как его осудили, он повторял этот рассказ с новыми деталями в беседах с начальником тюрьмы Лангхольмен, где он отбывал заключение. Хаджетлаше вновь сообщал, что родился в Турции, в том же Буюк-Дере, что и Кази-Бек в свое время, что не помешало ему стать верным слугой России. Сложности отношений между адыгами и Россией были, вместе с тем, для шведских глаз существенно заострены: российские власти *изгнали* отца из его поместья на Кавказе; он, конечно, вновь погиб в русско-турецкой войне; а самого Хаджетлаше, после его возвращения на Кубань мальчиком под опекой дяди со стороны матери, *насильно*, против воли его дяди отправили в возрасте 9 лет в кадетскую школу в Екатеринодаре, где он оставался до 20 лет (в нее превратилась Екатеринодарская гимназия из предыдущей версии рассказа), а затем — в юнкерскую в Ставрополе²⁹. Военный уклон в этой версии автобиографии Хаджетлаше понятен: он тогда представлял себя следствию, судьям и всем окружающим

и на практике ходатайствовал в ДДДИИ о разрешении остаться в России двум переселенческим семьям, самовольно вернувшимся домой из Турции: РГИА. Ф. 821. О. 8. Д. 1203.

28. Lundberg, S. (2004) *Ryssligan: Flyktingarna från öst och morden i Bollstanäs 1919*. Lund: Nordic Academic Press.

29. Подразумевается, вероятно, Ставропольское юнкерское казачье училище, существовавшее в 1870–1898 гг.

как казачий полковник, истинный патриот Российской империи, ныне ведущий во главе контрреволюционной группы войну против большевиков, что и должно было служить оправданием его действий. Требовалось доказать его присутствие на фронтах 1-й мировой войны (где он не был), а потому он придал военный характер своему образованию, как и большей части его дальнейшей карьеры. Интересно, однако, что, рассказывая о детстве и подчеркивая противостояние российской власти и северокавказцев как покоренных ею народов, он представлял себя фактически как *аманата*³⁰, используя этот распространившийся на Кавказе, видимо, уже к концу XIX века мотив памяти о прошлом.

Описания принадлежности героя к влиятельному аристократическому роду и несметного богатства семьи (как и его собственного) для шведов были подробно разработаны — в частности, поскольку требовалось доказать, что он не нуждался в деньгах, а значит, убийства совершались не ради них. Существенно возрос ранг его отца в турецкой армии, где он стал чуть ли не главнокомандующим; жили они в доме, подобном дворцу, отец обладал множеством слуг, включая черных невольников, принимал у себя самых высоких вельмож Османской империи и был вхож во дворец султана. Одновременно подробно описывались жестокость и самоуправство отца. Указывая на типично «восточные» обстоятельства воспитания Магомет-Бека, это должно было оправдать — как природными черкесскими, унаследованными чертами, так и сформировавшимся еще в детстве в противостоянии отцу чувством справедливости — его бесстрашную готовность яростно, но честно бороться со злом за правду и убежденность в неотвратимости наказания, приравненного к мести: все то, что, как он хотел показать, руководило им в совершенных им убийствах (так, по его рассказу, он даже маленьким мальчиком, преодолевая страх, решается мстить отцу за несправедливое наказание любимого чернокожего слуги)³¹. Зато мать героя воплощает справедливое и светлое начало в его детстве (теперь, насколько можно судить

30. Взятие в аманаты — в ее поздние периоды практика принудительного взятия детей северокавказских элит на обучение в государственные военные учреждения с целью превратить их в своего рода заложников, обеспечивающих лояльность родителей государству, и затем в посредников на военной или административной службе между местным населением и властью; в годы, о которых повествует Хаджетлаше, эта практика, по большей части, прекратилась. Озова Ф.А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях 1552–1829 годов. СПб.: Нестор-История, 2020.

31. Riksarkivet (Stockholm). Justitiervisionen. 1929. Juli 29. Vol. I. N. 676. L. 1301–1317.

по имеющимся архивным отрывкам, мотив ее самоубийства исчезает). Более того, шведским следователям становится известно, что принадлежала она к одному из древнейших и самых известных адыгских родов, к темиргоевцам — Болотоковым (вошедшие в легенды и воплощавшие великое прошлое адыгов образы братьев Болотоко наверняка были известны нашему герою)³².

Шведским судьям и публике, однако, такое оправдание преступлений апелляцией к образу благородного «восточного» дикаря не показалось убедительным, наоборот, «восточная дикость» подсудимого лишь усилила сторону обвинения.

В целом, в перечисленных вариациях рассказа Хаджетлаше о своем детстве, обосновывавших ту или иную его *персону* для разных адресатов, обнаруживается сочетание двух аспектов. Это, с одной стороны, постоянный, *инвариантный* сюжет, где турецко-мухаджирское детство героя и величие и героизм его предков, при всей их амбивалентности в имперском пространстве, на протяжении *всего его пути* обеспечивают его собственную благородную причастность к великому прошлому адыгов и его героическую миссию по налаживанию отношений народов Кавказа и всех мусульман империи с Россией и служению ей. С другой стороны, вариации этого сюжета и приращения к нему явным образом отвечают конъюнктурным задачам конструирования его *персон* на каждом этапе этого пути.

Персоны. 1. Имперское пространство. Писатель-«романтик»

Но каждое создание очередной его персоны сопровождалось, естественно, еще и добавлением к сюжету детства новых, актуальных черт. Мы уже видели Ахмет-Бей-Булата — начинающего писателя с романтической судьбой, воспевающего родину и вхожего в цензорские дома. В том же романтическом облике наш герой выступал на допросах петербургского следователя в деле по об-

32. Легенды о Болотоковых приводились и в центральной русской прессе. В частности, В. Потто отмечал, что «ни одна из княжеских фамилий за Кубанью не пользовалась до позднейших времен таким значением и влиянием, как эта фамилия», т. е. князя Болотоко («Кавказская война», СПб., 1887–1889; цит. по <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-5--Vremya-Paskevicha--ili-Bunt-SHechni/23>; дата обращения 10.02.2023). Поместье на Кубани, принадлежащее родственникам матери, куда, согласно его автобиографии, возвращается наш герой, как и вторая часть его фамилии, воспроизводят адыгское название реки Белой, Скагуаше; с ним связана известная топонимическая легенда.

винению его в присвоении чужого имени (а также воинского звания, в дезертирстве из армии, жизни за границей и других преступлениях) в 1898–1899 гг. Но теперь он рассказывал еще, что стал романтической жертвой клеветы: якобы его жена-француженка, желая от него избавиться и бежать с любовником, не только превратно использовала имевшиеся у нее сведения, чтобы донести на него, но и подкупила всех свидетелей по этому делу, что в России, что в Турции³³.

В отличие от рассказа про подкуп всех высокопоставленных чинов Османской империи, допрошенных по запросу следователя сотрудниками российских консульств, история про жену-француженку и ее уход к возлюбленному, видимо, основана на реальных событиях — что кажется особенно парадоксальным на фоне выпуклой литературности такого сюжета измены и клеветы³⁴. Однако для наших целей — для обнаружения способов конструирования своих *персон* нашим героем — интереснее не фактическая достоверность той или иной части его рассказа, а нарративные ресурсы, которые он вольно или невольно использовал для создания своего облика. Здесь становится особенно заметным, что ориенталистские сюжеты, воплощающие массовые представления о страстных кавказских «национальных» характерах, перемешиваются в его рассказе о себе с сюжетами таких жанров, как жестокий романс и городская баллада³⁵ — то есть с сюжетами, пронизывавшими массовую городскую культуру, для которой и был характерен «вульгаризированный романтизм», столь выпуклый в рассказах Казим-Бека³⁶. Из такого переплетения и ро-

33. ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 92 об.

34. Подробнее: *Бессмертная О.* «Мусульманский Азеф» и русская революция: между авантюризмом и мошенничеством? // *Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации* / Сост.: М. С. Неклюдова; под общ. ред.: М. С. Неклюдова, Е. П. Шумилова. М.: ИД «Дело», 2019. С. 136–174, здесь 145–149.

35. *Адоньева С., Герасимова Н.* «Никто меня не пожалеет...» Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // *Современная баллада и жестокий романс* / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 338–365; *Ягубов Б. А.* «Жестокий» романс и городская баллада: генезис и функционирование // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 3(21). Ч. 1. С. 215–219.

36. *Неклюдов С. Ю.* Фольклорные традиции современного города // *Современный городской фольклор*. Редакционная коллегия: А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. С. 5–24 (со ссылкой на концепцию «третьей культуры» В. Н. Прокофьева); <http://folk.spbu.ru/Reader/nekludov1.php?rubr=Reader-articles> (последнее посещение 14.02.2023).

ждается их исключительная драматическая насыщенность (вспомним рассказ о самоубийстве матери и гибели сестры героя от ее рук). Но если изобретавшиеся такими путями *персоны* нашего героя при всей их акцентированной экзотичности оказались, как уже отмечено, убедительными и привлекательными для издателей и читателей тонких журналов в Российской империи, для следователей в Петербурге (как и потом в Швеции), нуждавшихся в доказательной базе обвинения, так построенные облики подследственного убедительными не стали. Приходится допустить, что тогда следователи в процессе допросов иной раз могли дистанцироваться от влияния развлекательного чтения, а возможно, и от эмоций, по-видимому, преимущественно негативных.

Персоны. 2. Имперское пространство. Мусульманин-революционер и мусульманский журналист-патриот

Две другие *персоны* Хаджетлаше, важные в публичном имперском пространстве, изобретаются им практически одновременно — после выхода в 1901 г. из заключения в Бобруйском штрафном батальоне, последовавшего за упомянутым выше следствием и военным судом, — причем эти роли противоположны друг другу в социальном восприятии того времени. Это мусульманин-революционер и мусульманский журналист-патриот.

В обоих случаях одним из главных средств репрезентации «мусульманскости» в его характере становится в еще большей степени, чем прежде, радикальная принципиальность и самоотверженная преданность идее — фактически инвертированный стереотип мусульманского фанатизма, «фанатизм» в позитивном измерении. В 1907 г. мы видим Магомета Айшина внутри разных революционных и околореволюционных кругов, он выступает как лидер «центрального и исполнительного комитета боевого летучего отряда Кавказской горской партии социалистов-революционеров-максималистов», им же придуманного, пишет листовки, призывающие «бросать бомбы» в представителей «обжирающейся буржуазии», а Н.И. Рогдаев (Музиль), главный редактор знаменитого анархистского «Буревестника», рекомендует его своим знакомым анархистам-коммунистам, эмигрировавшим из России и обосновавшимся в Галиции (в Бродах), как «настоящего Могамета», имея в виду облик про-

рока Мухаммада³⁷. Как видим, наш герой вновь использует сложившиеся вокруг мусульман массовые стереотипные образы для создания собственной — ни на кого не похожей — *персоны*. Причем здесь вновь происходит наложение этих «восточных» образов на клише и нарративы массовой литературы, на этот раз — литературы подпольной России³⁸, которые он заимствовал во всей их вульгаризованно-романтической полноте частью из самой этой литературы, частью — из «воздуха», которым дышала эта среда.

Одновременно, под тем же именем Магомета Айшина и особенно под другими, в частности Магомета Схагуаше и затем Схагуаше-Хаджетлаше, наш герой обращается к главным редакторам разных, в основном консервативных, изданий, публикуя там статьи о (и из) Турции. Обращается он и к властям предержащим с предложениями услуг на поприще «мусульманского вопроса»; не в последнюю очередь все это — поиски заработка. Во внедрении этой новой его *персоны* в соответствующие круги он нередко успешен, что и приносит ему правительственную субсидию на издание с 1910 г. журнала «Мусульманин» (в 1908 г. два выпуска этого журнала вышли в той же типографии в Париже на другие средства), а с апреля 1911 г. — газеты «В мире мусульманства». Для достижения доверия в чиновничьей среде и демонстрации своей ей необходимости и совершенной востребованности он примерно с 1907 г. эксплуатирует распространявшийся в консервативных кругах еще с начала века (после андijanского восстания 1898 г.), а теперь все интенсивнее, миф о панисламизме, якобы угрожающем заразить собою мусульман в России: как истинный слуга отечества и мусульманин, не понаслышке знающий мир мусульманства изнутри, Хаджетлаше представал именно тем, кто сможет этому разными средствами противостоять, а заодно и оградить мусульман от вредного влияния революционных идей (которые, как нам известно, были ему в вульгаризованном изводе близко знакомы). Как раз его статьи о панисламизме «как грозном движении в мусульманском мире», опубликованные в 1908 г. в правой армейской газете «Офицерская жизнь», а затем перепечатанные им под другим идейным соусом с названием «Реформаторы ислама» в «Мусуль-

37. ГАРФ. Ф. 5802. О. 2. Д. 456. Л. 14.

38. Могильнер М. Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: НЛО, 1997.

манине» и «В мире мусульманства», дали возможность его мусульманским оппонентам в конце 1911 г. публично разоблачить его как двурушника³⁹.

Здесь, помимо уже отмеченного «мусульманского фанатизма наоборот» в репрезентациях его *хабитуса* («мусульманин может умереть, но предателем не станет», — писал он о себе в письме одному из своих корреспондентов в русском истеблишменте), особенности его *персоны* определялись очень правильно представленным местом, на которое он претендовал в *производстве знания* о мусульманах. В его *персоне* сочетались политическая лояльность, цивилизованность, образованность и знание мусульманства *изнутри*. Они обеспечивали Хаджетлаше в глазах правительственных чиновников возможность как поставлять неискаженные сведения о «мире мусульманства» правительству, так и взять на себя цивилизаторскую миссию среди российских мусульман. Тем самым он претендовал заменять собой, одновременно, с одной стороны — тех, кого он иронически называл «знатоками востока», т. е. академических востоковедов, которых он, не стесняясь, обвинял по меньшей мере в непонимании вещей, с другой — собственно мусульманских лидеров, которые в этом дискурсе и являли собой панисламистов. Таким образом, важнейшими здесь оказывались самый факт его принадлежности к мусульманству (идентичность), всячески акцентируемый, и его востребованность как лидера и знатока мусульманства. Последнее Хаджетлаше подчеркивал с помощью разных, вновь литературных, приемов (газетных публикаций, где о его роли рассказывалось якобы со стороны, или сообщений в переписке с чиновниками о соблазнительных предложениях, якобы сделанных ему из стана врага, чтобы переманить его на свою сторону). Фактически Хаджетлаше посредством так выстроенной своей *персоны* присвоил себе роль имперского посредника, уже известную в историографии⁴⁰; удивительна здесь не эта роль сама по себе, а то, что его в этой роли чиновники приняли в период, когда такая практика, казалось бы, уже не слишком широко применялась в имперской политике, — если не говорить об удивительности

39. Подробнее см. Бессмертная О. Мусульманский Азеф, или игра в Другого: мета-морфозы Магомет-Бека Хаджетлаше. Почти роман // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 209–298.

40. Campbell, I. (2017) *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Cornell University Press.

самой способности чиновников «покупаться» на такой обман⁴¹. В целом, мы видим в *персонах* Хаджетлаше не просто эксплуатацию *нормативных* образов мусульманина, выловленных им из «воздуха», коим дышали люди в описанных средах; их *персонализация* достигается еще и за счет репрезентаций его личных выдающихся черт в качестве мусульманина.

Персоны. 3. Мусульманские круги. Мусульманский оппозиционер-модернист

Но как же удавалось Хаджетлаше представлять мусульманином в собственно мусульманских кругах — тем более если он конструировал свои *персоны*, описанные до сих пор, на основе черт, приписанных мусульманам извне, таких, которые зачастую оспаривались в публичных выступлениях самих мусульман?

Здесь источников существенно меньше, но ряд предположений я постараюсь обосновать. Нашего героя и в мусульманской среде воспринимали как мусульманина. Это подтверждается не только немалым числом авторов-мусульман в его изданиях — причем авторов с Кавказа или из Урало-Поволжья и других мусульманских анклавов России, которые уже были в то время или стали позже вполне известными; среди них Г. Бамматов, С. Габиев, К. Есиев, А. Цаликов, П. Коцев, П. Тамбиев, Ш. Сунчалиев, Х. Атласи и др. О таком же приятии свидетельствует пара десятков частных писем «с мест» на тюрки, адресованных лично Хаджетлаше как редактору «Мусульманина» или в редакцию журнала, сохранившихся в частном архиве Хаджетлаше (вероятно, это лишь часть корреспонденции журнала), где выражалась благодарность за его деятельность и обсуждались текущие дела на местах⁴². Сохранилась и частная переписка Хаджетлаше с разными людьми, среди которых были и мусульмане, выступавшие против существовавшего политического строя, вроде Г. Баймбетова, и вполне лояльные режиму люди из офицерской среды.

Исключением в этом пространстве доверия был эпизод разоблачения Хаджетлаше в 1911 г., когда в частной переписке подозрение о том, что он еврей, высказывалось прямо (хотя мусульман-

41. Подробнее см. Bessmertnaya, O. (2021) "Maghomet-Bek Hadjetlaché and the Muslim Question: Deceit, Trust, and Orientalism in Imperial Russia after 1905", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 22(4): 697–727.

42. BDIC (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Nanterre), Fonds Mahomet-Beck Hadjetlaché. Cotes F delta rés 914 et GF delta rés 124.

ским расследователям подтвердить это не удалось), а публично это формулировалось обиняками: говорили, например, что он «выдает себя за кавказского горца». Особенно откровенной была переписка, связанная с деятельностью думской мусульманской фракции, между авторитетным редактором оренбургской газеты «Вакыт» Ф. Карими и одним из лидеров мусульманского либерального движения С.-Г. Джантюриным, но эти подозрения, несомненно, распространились шире, их следы сохранились в ряде источников⁴³. Однако и после скандала Хаджетлаше удавалось поддерживать связи в мусульманской среде, списав всю историю на клевету панисламистов и растратчиков.

Чтобы предположить, что за *персону* он создал себе для общения среди мусульман (или, точнее, какой была *одна из* созданных им среди мусульман персон, наиболее доступная для реконструкции), стоит всмотреться в костяк авторов мусульманского отдела в газете «Новая Русь», который издавался под патронажем Хаджетлаше в 1910 г., предшествуя изданию его петербургской газеты, и назывался так же как она, «В мире мусульманства» (эти авторы, в большинстве своем, остались и в газете, но там этот состав был отчасти размыт за счет других участников). На фотографии, преподнесенной сотрудниками Хаджетлаше как основателю отдела и опубликованной в «Мусульманине» (1910, № 20, с. 436), изображены Ахметхан Матушев (Мутушев), Гайдар Бамматов, Саид Габиев, Алихан Кантемиров, Пшемахо Коцев, Ибрагим Гайдаров и редактор отдела (а затем газеты) осетин Аслан-Гирей Датиев. Все они, кроме Датиева, были уже в это время авторами, настроенными достаточно радикально, а с 1917 г. оказались в числе ведущих участников проектов создания национальных государств на Кавказе (в частности Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Горской республики), хотя и разошлись в итоге в разные политические стороны. Помимо того, Хаджетлаше был связан (впоследствии рассорившись) с такими радикально настроенными мусульманскими деятелями, позже вполне известными, как Джамалутдин Коркмасов и Джафар Ахундов⁴⁴.

43. НАРТ (Национальный архив республики Татарстан). Ф. 1370. О. 1. Д. 22. Л. 28–28об. Подробнее: Бессмертная О. Мусульманский Азеф, или игра в Другого. С. 220–229; Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург: Исторический путеводитель. М., СПб., 2016. С. 101 (высказывание Г. Тукая).

44. Джафар Ахундов — азербайджанец, член РСДРП и азербайджанской мусульманской социал-демократической партии Гуммет с 1903 г., член Учредительного собрания. Я признательна его внуку Расиму Ахундову за предоставленные сведения.

А с редактором отдела и газеты, Аслан-Гиреем Датиевым, помощником присяжного поверенного (и именно А.-О. Сыртланова, сыгравшего заметную роль как в продвижении, так и разоблачении Хаджетлаше), наш герой переписывался еще под именем Кази-Бека в 1901 г. в своей тогдашней революционной ипостаси; тогда Датиев, вероятно, учился в Киеве. В издательской же деятельности Хаджетлаше использовал его в качестве помощника, не замеченного полицией в чем-либо предосудительном, и именно на него после скандала свалил неприятности⁴⁵.

Каким образом Кази-Беку — Хаджетлаше удалось собрать вместе этих людей задолго до политических событий 1917 г., пока неизвестно. Вероятно, эти его знакомства состоялись частью еще в 1890-х гг., когда он, живя на Кавказе, мог путешествовать по южной части империи, включая Одессу, Киев и Тифлис, а также бывал в обеих столицах, Москве и Петербурге, и в Турции. Отправной точкой для таких знакомств могла стать его жизнь в станице Ардонской Терской области, куда весной 1889 г. он — как участник печально известной экспедиции Николая Ашинова в Африку — был отправлен по решению властей, подвергших членов экспедиции формальному суду, и поселен там на попечение осетина Савкудза Дзеранова (одного из главных помощников Ашинова). В этой-то экспедиции он и заявил о себе, видимо, впервые, как о черкесе и турецкоподданном, наверное, под впечатлением путешествия: экспедиция шла по всему красочному «Востоку» (и по местам черкесской диаспоры в частности) — из Одессы в Сомали через Константинополь и Порт-Саид⁴⁶. Продолжение же такого рода знакомств могло произойти снова в Турции, да и в Иране, где Кази-Бек побывал между 1901 и 1907 годами, в период назревавших революционных событий там.

Можно предполагать поэтому, что для таких оппозиционно и националистически настроенных мусульманских кругов наш герой в немалой степени использовал те же приемы конструирования своей *персоны*, что и в случае своей революционной деятельности на общем имперском пространстве. В этой среде стержневой сюжет его турецко-мухаджирского детства, первоначально изобретенный в экспедиции среди осетин, должен был играть безусловно привлекательную, лишенную амбивалентности роль, не только объясняя «фактологически», откуда этот герой взялся,

45. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1901. Д. 235. Л. 6; Ф. 111. О. 1. 1911. Д. 880/257.

46. Подробнее см. *Бессмертная О.Ю. Нужда в обмане*.

но и наделяя его ореолом наследственного противостояния имперской политике. Так что приходится верить, что цитата из его письма, приведенная в разоблачительной статье его мусульманских оппонентов, где он рисует себя радикальным мусульманским оппозиционером, не придумана разоблачителями:

Мне очень прискорбно, — писал он, по их словам, в письме некому депутату Государственной Думы от 6.03.1909, — что вы не так поняли наш журнал. О, как далеки мы, и я, в частности, — от намерения плясать под дудку русского правительства. Цель моя создать совершенно независимый, но специальный орган русских мусульман, который, издаваясь за пределами досягаемости, сделает то, что с ним придется считаться. Цель моя — объединить русских мусульман, создать прочный союз и тогда диктовать условия. [...] Вперед! Нужно будет, уйду в подполье, но не умру, пока не налажу дела!⁴⁷

Но в этой же или близкой мусульманской модернистской среде Хаджетлаше обретает и цивилизаторский пафос — идеи преодоления мусульманского «невежества» в русле прогрессистского дискурса. Тот пафос, который он будет активно использовать в своих мусульманских изданиях, получая признательность в письмах от мусульман за его просветительскую деятельность. И тот же, который, как «истинный знаток мусульманства», он акцентировал для представления себя кругам правительственным. Так что образцы того, каким должен быть и как ведет себя истинный мусульманин, наш герой черпал на скрещении очень разных сред: и массовых представлений о мусульманах в русском обществе, и атмосферы модернистских мусульманских кругов.

Персоны. 4. Частная жизнь. Последователь Пророка.

И, наконец, еще одна важная сфера, где Магомет-Бек Хаджетлаше предьявлял себя как мусульманин, — частная жизнь, семья. Эта сфера могла бы составить предмет отдельного исследования. Здесь отмечу лишь обстоятельства создания его нового рассказа о себе, дополняющего предыдущие. Его жена Айша (это имя лю-

47. «Речь». 24.12. 1911/ 6.01.1912, № 353. Если дата цитируемого письма верна, под «нашим журналом» могли подразумеваться первые два выпуска «Мусульманина» от 1908 г., выступившего резко против эмиграции горцев в Турцию. Вряд ли имелся в виду «Мусульманский отдел» в «Братской помощи», существовавший под руководством Хаджетлаше в 1909 г.

бимой жены пророка Мухаммада), которую он для публики и следователей — как и для детей (их в 1910-е годы было пятеро) — представлял урожденной княжной Исламбековой (по крайней мере в шведский период, но, вероятно, и раньше), по-видимому, знала часть его истинной истории. Возможно, поначалу она была Марией Сердюковой, его соратницей по революционным и шантажным делам в 1900-х гг. Разумеется, знал о его происхождении и его брат и соратник в шведских событиях, Михаил Этингер (их родство тщательно скрывалось), посылавший его детям фотографии своих детей с надписью «от дядюшки Османа» (вспомним, что так, согласно «биографии», опубликованной в «Живописном обозрении», звали старшего брата Ахмет-бей Булата). Так что для детей Хаджетлаше легенда о мусульманстве и кавказском происхождении семьи долгое время поддерживалась всеми ее членами. И когда, переживая обвинительный приговор и тюремное заключение, Хаджетлаше совершенно разочаровался в «буржуазной Европе», он отправил из тюрьмы во Францию своим детям «Завещание», с подзаголовком «Краткие сведения о роде князей Хаджетлаше (историческая справка для моих детей)». Имитируя исламскую генеалогическую цепочку, он возводил свои корни к индийскому сподвижнику пророка Мухаммада, чьи потомки пришли на Кавказ. Видимо, он стремился не просто вновь подтвердить древность их рода, но сделать его причастным к самым истокам ислама, не забыв и про несметное богатство:

В самые отдаленные века один из предков Хаджетлаше, богатейший и влиятельный принц-магараджа провинции вблизи Бенареса и священной реки Ганга, наслышавшись о новоявленном пророке Мохаммеде, халифе всей Аравии, отправился с богатыми дарами в далекое путешествие, прибыв в Медину, где тогда находился сам Пророк, после шестимесячного странствования. Его свита, верблюды и слоны, вообще все, что шло с ним, было так велико, что прошло два часа, пока они вошли в открытые для них ворота священного для всех мусульман города Медины. Арабский историк, рассказывая о подарках принца, говорит, что пророк две недели рассматривал и распределял [их], —

так начиналась преамбула, предварявшая «цепочку»⁴⁸.

48. BDIC, F delta rés 914 (1).

Отмечу, касаясь иных измерений самопонимания нашего героя, что в одном из писем жене периода начала 1-й мировой войны, когда он в Питере пытался создать свой бизнес, он сетовал: «Какой из меня бизнесмен? Я — писатель»⁴⁹.

Персоны и самость (self)

Что же открывает нам — и открывает ли? — случай Хаджетлаше для понимания того, какие возможности и ограничения лежат на пути исследований субъективностей мусульман? Да и имеет ли отношение этот случай к «мусульманской субъективности» — ведь герой наш, *на самом деле*, как будто вовсе не мусульманин? Наконец, не оказывается ли этот случай, скорее, областью исследований психиатра, а не историка: ведь нельзя исключить, что Хаджетлаше — человек, психически не вполне здоровый?

Начиная с последнего, отмечу, что оценка ментального здоровья Хаджетлаше вряд ли для нас значима. Ведь ему удавалось точно чувствовать наиболее острые вопросы времени, «запросы жизни», каждой трансформацией своего облика отвечая какому-то из них: ориенталистской массовой литературе и подъему интеллигенции *Кавказа и народов Востока*; революционной стихии начала XX века; «мусульманскому вопросу», заострившемуся как раз после революции 1905–1907 гг., и общественному антисемитизму, поднявшемуся еще в пореформенный период; большевистской революции и гражданской войне, — притом вызывая всякий раз яркие реакции окружающих, будь то доверие или разоблачение. Это и превращает его из мелкого мошенника и бытового бунтаря в персонажа исторического, в своеобразный фокус современных исторических процессов — потому он не может не быть интересен историку⁵⁰.

Но с точки зрения исторического исследования субъективности, самое интересное в Хаджетлаше, на мой взгляд, — это та дистанция, которая пролегает между его *персонами* и его внутренним «я» и которая особенно ярко видна исследователю как раз благодаря его самозванчеству. Мы видим эту дистанцию в его «работе» по конструированию своих *персон* и их продвижению

49. Там же.

50. Ср. о безумии персонажей историка: Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. С. 346–364; Гинзбург К. Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000.

к публике, «в массы», в техниках изобретения своих перформативных «я». Такие техники проявляются и в тех конъюнктурных трансформациях, которые Хаджетлаше вносил в рассказ о своем мухаджирском детстве, и в самой смене использовавшихся им *персон*. Так что *персона* — только ли в случаях самозванцев? — и впрямь не тождественна субъективности, субъективность не сводима к ней.

Чтобы попытожить описание способов, с помощью которых Хаджетлаше выстраивает себя в качестве мусульманина, — иными словами, тех «техник» самоконструирования, которые как раз и отражают *мусульманское* измерение в субъективности этого человека, — стоит вдуматься в то, как устроена отмеченная дистанция.

Прежде всего, насколько дистанция между его *персонами* (его *мусульманскими* персонами в первую очередь) и его «самостью» свидетельствует о том, что он всегда действует с помощью сознательного обмана? Или, наоборот, наш мусульманин-самозванец настолько вжился в свои облики, что, как это обычно отмечается в случаях самозванчества, уже они, эти облики, руководили им, а не его вымысел и воля? *Жил* ли он своими ролями или *играл* их?⁵¹ Представляется, что здесь совмещались оба пути. С одной стороны, игра в его действиях иной раз носила совершенно откровенный характер (откровенный для самого героя и для теперешнего исследователя, а может быть, еще и для кого-то из его очень близких знакомых) и зачастую была литературной (пока не вылилась в убийства). Так, в одной из своих газетных корреспонденций, предупреждающих читателя об угрозе панисламизма, наш автор приводит якобы панисламистский «документ», где в качестве одного из самых влиятельных и известных панисламистов называет некоего «М-бека», что, скорее всего, подразумевает «Магомет-бека», т. е. его самого. Эта очевидная литературная забава фактически воспроизводит главную поведенческую стратегию Хаджетлаше — помещать себя одновременно по разные стороны границы, в оба враждующих лагеря (здесь — тех, кто разоблачает панисламизм, и тех, кто его олицетворяет).

С другой стороны, сама постоянность причисления им себя к мусульманам при всех трансформациях его публичных иден-

51. Ср. Строев А. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 246.

тичностей заставляет думать, что он совершенно сжился с мусульманским измерением своих «я» и иначе себя не видел. И это несмотря на то, что само понимание мусульманского черпалось им, как я старалась показать, не собственно из исламских традиций, а из внешних по отношению к ним ресурсов — представлений русской публики и/или властей о том, каковы мусульмане (ср. инверсию мотивов мусульманского фанатизма и воспроизводство стереотипов массовой литературы о черкесах и азиатах в его самоописаниях), или в иных случаях — из атмосферы модернизированной и, что важнее, политизированной среды мусульман-оппозиционеров. Причем и во втором случае Хаджетлаше вряд ли воспринимал аутентичный исламский бэкграунд этих людей (хотя стремился его имитировать). Можем ли мы на этом основании отказать ему в «мусульманской субъективности»? Тут мы возвращаемся к упомянутым выше дискуссиям о том, как определять «мусульманское», — и я вынуждена оставить этот вопрос открытым. Ведь если опираться на то, как это видели сами мусульмане, окружавшие Хаджетлаше, далеко не все они отказали ему в признании его мусульманином. Это, видимо, свидетельствует, что в рассматриваемый период в модернизаторских мусульманских кругах *персона*, предъявленная здесь Хаджетлаше, соответствовала их представлениям о том, что значит *быть мусульманином*.

Возвращаясь к тому, как это переживал сам герой, подчеркну, что степень *прочувствованности* им своих *персон*, полнота его самоотождествления с ними особенно ярко проявлялась в моменты, когда его так или иначе пытались их лишить, тем или иным способом его разоблачить. Находясь под следствием в 1899 г., он писал петербургскому следователю: «Не могу я, не могу физически стать другим человеком! Я Кази-Бек Ахметуков и умру им!»⁵². В своей защитной речи на суде в Швеции — уже под другим именем, Магомет-Бека Хаджетлаше (под которым он и умер) — он столь красочно и будто достоверно описывал мучения и смерти, принесенные большевиками его мусульманским родственникам, дяде в Петербурге и братьям на Кавказе, что сомнений в его принадлежности к этой семье, казалось бы, возникнуть не могло (и в Швеции, видимо, не возникло)⁵³. Этой прочувствованности не мешало то, что Хаджет-

52. ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 92 об.

53. BDIC. F delta res 914(1)(7).

лаше, судя по ряду его восклицаний, помнил о своем реальном происхождении: «Я не еврей, не поляк и не армянин, чтобы за деньги продавать свою родину», — писал он, видимо, проговариваясь о своей отрицаемой памяти, в письме министру внутренних дел в 1913 г.⁵⁴

Как обнаруживается, «мусульманская субъективность» Хаджетлаше — способы конструирования им себя в качестве мусульманина — регулируются некой двойной темпоральностью, наложением двух по-разному устроенных временных пластов в выстраивании им его жизненной стратегии. Один из них — пласт продолжающейся преемственности, континуальности, которая отражается в постоянном автобиографическом стержне, остающемся при всех вариациях одним и тем же, в сюжете турецко-мухаджирского детства. Этот сюжет определяет не только способы, коими наш герой предъявляет свою идентичность вовне, оказываясь устойчивым аспектом его разных *персон*, но также и характер его изначально придуманного, а затем укоренившегося самопонимания, основанного на исходном перевоплощении — изобретении своей мусульманской и черкесской идентичности. Другой пласт наполнен его политическим двурушничеством и сменой *персон*: это фрагментированное, перформативное время его многих обликов, всякий раз заново придумываемых, при том что сама механика изобретения очередной *персоны* из раза в раз воспроизводится. В этом сочетании можно видеть некую субъективированную *двуслойную игру в Другого* (помня, что «игра» — это очень серьезное занятие), один из пластов которой — черкесский и мусульманский «характер» — относительно целостен, другой — двурушничество — повторяем и фрагментирован. Именно на стыке этих пластов в его внутреннем «я» Хаджетлаше отвечает на «запросы жизни», постоянно себя воспроизводя и, одновременно, себя переизобретая соответственно конъюнктуре.

Отвечая на «запросы жизни», Хаджетлаше в своей «игре» в Другого активно использовал, с одной стороны, имперское разнообразие страны, с другой — рост внутренних политических конфронтаций, и сама эта «игра» была их очевидным продуктом на фоне общего кризиса и фрустраций эпохи. В этом смысле *девиантное* поведение этого человека, нарушающее общественные нормы, скорее, демонстрирует нам, каковы сами эти нормы

54. ГАРФ. Ф. 102. О. 316. 1909. Д. 234. Л. 57.

(причем не только те, которые он нарушает, но и те, которые использует, например нормативный образ мусульманина, сложившийся в той или иной среде), чем его собственную независимость от них. Но *выбор* им идентичности, а вслед за ним ее субъективация и выстроенная на этой основе жизненная стратегия, по-видимому, свидетельствуют все же, что существовал и «уголок автономности» для формирования субъектности этого человека, столь напряженно ее, субъектность, искавшего. Нельзя исключить, что «искорка» литературного таланта, которую когда-то издатель-редактор «Живописного обозрения» С. Е. Добродеев заметил, по его признанию, в Кази-Беке⁵⁵ и которая вела нашего героя во всех его фантазиях, вылившись в итоге в отождествление литературы и жизни, в перенесение «вульгаризированного романтизма» из сферы вымысла в реальность, сыграла в его личной истории ключевую роль.

Библиография / References

Архивы

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

НАРТ (Национальный архив республики Татарстан)

РГИА (Российский государственный исторический архив)

ЦГИА (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга)

BDIC (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Nanterre), Fonds Mahomet-Beck Hadjetlaché

Литература

Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...» Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 338–365.

Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург: Исторический путеводитель. М., СПб., 2016.

Белоусов И. Мое первое знакомство с цензором // Путь. (М.). 1913. № 4. С. 36–37.

Бессмертная О. «Мусульманский Азеф» и русская революция: между авантюризмом и мошенничеством? // Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации / Сост.: М. С. Неклюдова; под общ. ред.: М. С. Неклюдовой, Е. П. Шумиловой. М.: ИД «Дело», 2019. С. 136–174.

Бессмертная О. Мусульманский Азеф, или игра в Другого: метаморфозы Магомета-Бека Хаджетлаше. Почти роман // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 209–298.

55. ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 9.

- Бессмертная О. Ю.* Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане // *Ya evam veda...* — Кто так знает... Памяти В. Н. Романова [сб. ст.] / Под ред. И. С. Смирнова; Сост. Н. Ю. Чалисова и др. М.: РГГУ, 2016. С. 135–190.
- Бессмертная О. Ю.* Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2023. Т. 22. № 2. С. 174–187.
- Бойм С.* Как сделана советская субъективность? // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285–296.
- Гиляровский В.* Москва газетная. Редакторы [http://az.lib.ru/g/giljarowskij_w_a/text_0060.shtml].
- Гинзбург К.* Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. Москва: Кучково поле, 2000.
- Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
- Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
- Лежен Ф.* От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 3.
- Мамедов Р.* Муса Кундухов как фигура памяти. Мозаика идентичностей // *Islamology*. 2020. Т. 10. № 1. С. 71–72.
- Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: НЛО, 1997.
- Неклюдов С. Ю.* Фольклорные традиции современного города // *Современный городской фольклор*. Редакционная коллегия: А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. С. 5–24.
- Озова Ф. А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях 1552–1829 годов. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Потто В.* Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. СПб., 1887. Разд. XXXV.
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии литературы. М.: НЛО, 2009.
- Строев А.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Хашхожева Р. Х.* Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество // *Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения* / Вст. ст. и подготовка текстов к изданию Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 5–78.
- Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Чужой (Н. Эфрос).* Вместо некролога (Воспоминания) // *Речь*. (СПб.). 1912. 10.05. № 126.
- Ягубов Б. А.* «Жестокий» романс и городская баллада: генезис и функционирование // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 3(21). Ч. 1. С. 215–219.

Archives

GARF (State Archive of the Russian Federation)
 NART (National Archives of the Republic of Tatarstan)
 RGIA (Russian State Historical Archive)

TSGIA (Central State Historical Archive of St. Petersburg)

BDIC (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Nanterre), Fonds Mahomet-Beck Hadjetlaché

Literature

- Adon'eva, S., Gerasimova, N. (1996) "Nikto menia ne pozhalet..." Ballada i romans kak fenomen fol'klornoi kul'tury novogo vremeni" ["No one will pity me...". Ballad and Romance as a Modern Era Folklore Culture Phenomenon], in *Sovremennaiia ballada i zhestokii romans* / sost. S. Adon'eva, N. Gerasimova, pp. 338–365. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha.
- Asad, T. (2003) *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Bekkin, R. I., Tagirdzhanova, A. N. (2016) *Musul'manskii Peterburg: Istoricheskii putevoditel'* [Muslim Petersburg: Historical Guide]. M., SPb.
- Belousov, I. (1913) "Moe pervoe znakomstvo s tsenzorom" [My first acquaintance with censor], *Put'* 4: 36–37.
- Bessmertnaja, O. (2012) "Musul'manskii Azef, ili igra v Drugogo: metamorfozy Maghomet-Bek Hadjetlaché. Pochti roman" [Muslim Azef, or playing the Other: Metamorphosis of Mohammed-Bek Hajetlache. Almost a novel], in *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii. 2007–2009* [Casus: Individual and Unique in History. 2007–2009], pp. 209–298. M.: Izd-vo RGGU.
- Bessmertnaja, O. (2016) "Kem zhe byl M.-B. Hadjetlaché, ili nuzhda v obmane" [Who was M.-B. Hacettlacher, or the need to deceive], in I. S. Smirnova, N. Ju. Chalisova (eds) *Ya evam'veda... — Kto tak znaet... Pamjati V. N. Romanova*, pp. 135–190. M.: RGGU.
- Bessmertnaja, O. (2019) "Musul'manskii Azef i russkaia revoliutsiia: mezhdru avantiurizmom i moshennicestvom?" [Muslim Azef and Russian revolution: Between adventurism and fraud?], in M. S. Nekljudova, E. P. Shumilova (eds) *Russkaja avantjura: identichnosti, proekty, reprezentatsii* [Russian adventurism: identities, projects, representations], pp. 136–174. M.: ID "Delo".
- Bessmertnaja, O. (2023) "Chto nam delat' s 'musul'manskoi sub'ektivnost'iu'? Perspektivy i 'lovushki' issledovatel'skogo podkhoda v istoriograficheskom kontekste" [What are we to do with "Muslim subjectivity"? Prospects and "traps" of the research approach in the historiographical context], *Vestnik RUDN. Ser. Istoriia Rossii* 22 (2, Maj): V pechaty.
- Bessmertnaya, O. (2021) "Maghomet-Bek Hadjetlaché and the Muslim Question: Deceit, Trust, and Orientalism in Imperial Russia after 1905", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 22(4): 697–727.
- Bojm, C. (2002) "Kak sdelana sovetskaia sub'ektivnost'?" [How is Soviet subjectivity made?] *Ab Imperio* 3: 285–296.
- Bustanov, A. (2022) "Introduction", in A. Bustanov, V. Usmanov. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*, pp. 1–83. Brill.
- Campbell, I. (2017) *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Cornell University Press.
- Chuzhoj (N. Jefros). (1912) "Vmesto nekrologa (Vospominaniia)" [Instead of an obituary (Memoirs)], *Rech'* (SPb.) 126.
- Daston, L., Sibum, H. O. (2003) "Introduction: Scientific Personae and Their Histories", *Science in Context* 16(1–2): 1–8.
- Davis, N. Z. (2006) *Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds*. New York: Hill and Wang.

- Dobrenko, E. A. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelia: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retsepcii sovetskoi literatury* [Shaping the Soviet Reader: Social and Aesthetic Prerequisites of Reception of the Soviet Literature]. SPb.: Akademicheskii projekt.
- Engberts, Ch. and Paul, H. (eds) (2019) *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*. Brill.
- Giljarovskij, V. *Moskva gazetnaia. Redaktory* [Newspaper Moscow. Editors] [http://az.lib.ru/g/giljarovskij_w_a/text_0060.shtml] accessed on 1.05.2023.
- Ginzburg, K. (2000) *Syr i chervi* [Cheese and Worms]. M.: ROSSPEN.
- Gofman, I. (2000) *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni* [Presenting Oneself to Others in Everyday Life]. Moskva: Kuchkovo pole.
- Gurevich, A. Ja. (2005) *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [The Individual and Society in the Medieval West]. M.: ROSSPEN.
- Hashhozheva, R. H. (1993) “Kazi-Bek Ahmetukov: zhizn' i tvorchestvo” [Kazi-Bek Ahmetukov: Life and creative activity], in Kazi-Bek Ahmetukov. *Izbrannye proizvedeniia*. Načhik: Jel'brus.
- Hell'bek, J. (2021) *Revoliutsiia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoi epohi* [Revolution in First Person: Diaries of Stalin's Epoch]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Jagubov, B. A. (2013) “‘Zhestokii’ romans i gorodskaiia ballada: genezis i funktsionirovanie” [“Cruel” romance and urban ballad: Genesis and functionality], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 21(3). Ch. 1: 215–219.
- Jung, D. (2017) “The Formation of Modern Muslim Subjectivities: Research Project and Analytical Strategy”, *Tidsskrift for Islamforskning* 11(1): 11–29.
- Layton, S. (1994) *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lezhen, F. (2012) “Ot avtobiografii k rasskazu o sebe, ot universiteta k assotsiatsii ljubitelei: istoriia odnogo gumanitariia” [From autobiography to story of myself, from university to amateur association: The story of one humanist], *Neprikosnovennyi zapas* 3.
- Lundberg, S. (2004) *Ryssligan: Flyktingarna från öst och morden i Bollstanäs 1919*. Lund: Nordic Academic Press.
- Mamedov, R. (2020) “Musa Kunduhov kak figura pamyati. Mozaika identichnostei” [Musa Kundukhov as a figure of memory. Mosaic of Identities], *Islamology* 10(1).
- Marshall, D. P., Moore, Ch., Barbour, K. (2019) *Persona Studies: An Introduction*. Wiley-Blackwell.
- Mogil'ner, M. B. (1997) *Mifologija “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyj mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the “Underground Man”: Radical Microcosm in Russia in the Early 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis]. M.: NLO.
- Nekljudov, S. Ju. (2003) “Fol'klornye traditsii sovremennogo goroda” [Folklore traditions of the contemporary city], in A. F. Belousov, I. S. Veselova, S. Ju. Nekljudov (eds) *Sovremennyy gorodskoj fol'klor*, pp. 5–24. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2003.
- Ozova, F. A. (2020) *Institut amanatstva v cherkessko-rossiiskih otnosheniiakh 1552–1829 godov* [Institute of Amanatstvo in the Caucasian-Russian Relations in 1552–1829]. SPb.: Nestor-Istoriia.
- Potto, V. (1887) *Kavkazskaia vojna. T. 2. Ermolovskoe vremia* [The Caucasian War. T. 2. Ermolov's Time]. SPb., 1887. Razd. XXXV.

- Rejtlat, A. I. (2009) *Ot Bovy k Baľ'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Literature]. M.: NLO.
- Stroev, A. (1998) *“Te, kto popravliaet fortune”. Avanturisty Prosveshcheniia* [“Those Who Correct Fortune”. Adventurers of the Enlightenment]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Thum, R. (2019) “What Is Islamic History?”, *History and Theory* 57: 7–19.